

©

Канаев Е.А.
НИУ ВШЭ

©

Демиденко С.В.
РАНХиГС

ВЕРОЯТНА ЛИ «АРАБСКАЯ ВЕСНА» В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ?

На современном этапе глобализации процессы экономического сотрудничества и их регулирования, равно как выработка эффективных подходов к снижению остроты угроз безопасности, смещаются на уровень регионов. Одновременно идет процесс подготовки и реализации мега-региональных проектов, наиболее заметными из которых стали Инициатива пояса и пути, Большое евразийское партнерство и Индо-Тихоокеанский регион. Прямо или опосредованно они затрагивают Юго-Восточную Азию и Ближний Восток.

Такая ситуация объективно подталкивает экспертное сообщество к глубокому и нюансированному сопоставлению региональных процессов, в том числе проходящих на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Это обусловлено не столько академическим интересом, сколько практическими потребностями, т.к. судьба вышеупомянутых мега-проектов зависит от их надлежащей экспертно-аналитической проработки. Ее примеры на страницах журнала «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития» уже есть¹. Продолжая эту исследовательскую традицию, авторы настоящей статьи обратились к рассмотрению социальных процессов в государствах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Вопрос поставлен следующим образом: если Ближний Восток и ЮВА движутся в направлении единого пространства, будь то геополитического, геоэкономического или в перспективе даже цивилизационного, можно ли ожидать (разумеется, при сохранении нынешних тенденций) повторения в странах ЮВА чего-то подобного ближневосточным социальным волнениям, получившим обобщенное название «арабской весны»?

«Арабская весна»: предпосылки, развитие, последствия

Вопрос о так называемых «цветных революциях» вообще и «арабской весне» в частности еще не до конца изучен отечествен-

ным научным сообществом. Главная проблема заключается в глубокой политизации проблемы и давлении официальной пропаганды. Устоявшаяся в околонучной среде позиция диктует необходимость рассматривать все без исключения социальные волнения (а именно таковой и была «арабская весна») как следствие некоего иностранного вмешательства, в чем силен элемент конспирологии. Применительно к событиям «арабской весны», в основе ее конспирологической трактовки лежали, как правило, два основания. Первое – если протесты начались вдруг и нарастали стремительно, значит – это было кому-то выгодно. Второе – если в результате протестов неожиданно пали авторитарные режимы, находившиеся у власти многие годы (Бен-Али – с 1987 г., Мубарак – с 1981, Каддафи – с 1969, клан Асадов – с 1970, Салех – с 1990), значит, это было кому-то выгодно.

Справедливости ради необходимо отметить, что интеллектуальное смятение, порожденное стремительностью разразившегося кризиса, ввело в заблуждение не только журналистов, но и представителей экспертных кругов. В частности, появилась теория, согласно которой, в относительно однородных с этнокультурной точки зрения регионах мира одно яркое событие может запустить ряд событий аналогичных и привести к хаосу на очень больших географических пространствах².

При натянутости и даже грубости ряда экспертных оценок, рациональные моменты, как ни странно, содержатся в каждой из точек зрения. «Эффект домино», когда после «революции» в Тунисе начались протесты в других странах Магриба и Машрика, подтверждается синхронностью событий:

- Тунис – 24 декабря 2010 г. – 14 января 2011 г.
- Египет – 25 января – 11 февраля 2011 г.
- Ливия – 15 февраля – 23 октября 2011 г.
- Бахрейн – 14 февраля – 14 марта 2011 г.
- Йемен – 27 января 2011 г. – 27 февраля 2012 г.
- Сирия – 15 марта 2011 г. – по сей день.

Фактор внешнего влияния также прослеживается отчетливо (особенно в Ливии, Сирии и Бахрейне). Однако воздействие как первого (общности этнокультурного пространства), так и второго (иностранного вмешательства), как представляется, не являлось ключевыми. Предпосылки, приведшие к восстаниям, войнам и сменам режимов, накапливались в арабском мире достаточно продолжительное время. Взрыв же, последовавший сразу после самоубий-

ства Мухаммеда Баузизи 17 декабря 2010 г., стал лишь поводом для активизации противоречий.

Стабильность правящей элиты, равно как и спокойствие внутри государств, были кажущимися. Во всех без исключения странах «арабской весны» имелась сильная и весьма активная политическая оппозиция. Важно отметить, что оппозиция, как и правящие режимы, осуществляли свою деятельность в рамках религиозной парадигмы. Традиционно воспринимаемые на Западе как прогрессивные общественные силы – либеральные, националистические, левые, секулярные – серьезной популярностью не пользовались. Основное влияние всегда оставалось за оппозицией религиозной.

О высокой активности оппозиции говорит следующий перечень фактов. В Тунисе в 1988 г. исламисты не поставили свои подписи под Национальным пактом, а в 1991 г. сторонники партии «Ан-Нахды» взяла штурмом штаб-квартиру правящей партии Демократическое конституционное объединение (ДКО). В 1990-е гг. органами безопасности Туниса были разгромлены две подпольные экстремистские группировки – Исламский фронт спасения (в 1994) и «Аль-Ансар» (в 1998). В 2000-х гг. по стране прокатилась волна терактов (апрель 2002 г. – взрыв у синагоги на о. Джерба, погибло 19 человек, 2007 г. – столкновения между полицией и религиозными радикалами; убито 12 боевиков, 15 – арестовано и т.д.)³. В Египте в начале XXI века вылазки экстремистов фиксировались регулярно. В октябре 2004 г. произошли теракты в г. Таба, в июле 2005 г. – Шарм-эш-Шейхе, в апреле 2006 г. – в Дахабе⁴, в апреле 2006 г. – столкновения коптов и исламистов в Александрии и т.д. В Бахрейне беспорядки и теракты фиксировались в 1992, 1994, 1996 и 1997 гг. А в период с 2010 по 2012 г. произошла серия мощных взрывов в столице эмирата – Манаме. На бывшего лидера ливийской революции М. Каддафи радикалы покушались много раз. В 1975 г. в него стреляли во время парада, в 1981 г. была сделана попытка сбить «борт номер один», а в 1989 г. во время официального мероприятия на Каддафи напал религиозный фанатик. 1990-е гг. также не принесли спокойствия – в 1996 г. кортеж полковника обстреляли в Сирте, а в 1998 г. нападение было совершено уже недалеко от египетской границы⁵. В Сирии – на рубеже 70-х – 80-х гг. XX века произошло крупное исламистское восстание, закончившееся бойней в городе Хама в 1982 г.

Из всего этого видно, что ни о каком спокойствии в арабском мире до, накануне (и после) «весны» речи не шло. Регион бурлил,

боролся и негодовал на протяжении всей своей новейшей истории. Просто мировые СМИ редко уделяли этому негодованию должное внимание. Арабами пристально интересовались лишь специалисты и дипломаты. Отсюда и происходит заблуждение, что «арабская весна» случилась неожиданно. Большое видится лишь вблизи.

Причиной влиятельности именно религиозной оппозиции является высочайшее влияние ислама как определяющего все сферы жизни общества фактора. Фактически, применительно к большинству стран Ближнего Востока можно использовать термин «ситуация Ислама», в которой доминирующая религия охватывает все, даже самые мелкие, сферы общественной жизни – от религиозных обрядов до бытового поведения (шариат). Существенную роль сыграла и «искусственность» стран Ближнего Востока. Большинство из них создавалось колонизаторами с целью сохранения контроля, а не с целью развития. Собственно, именно это историческое обстоятельство и легло в основу большинства последующих бед всего региона, когда границами наскоро созданных государственных образований оказались стиснуты либо плохо уживавшиеся, либо конфликтовавшие между собой общины и этнические группы.

В Бахрейне конфессиональное большинство составляют шииты при правящей суннитской династии. В Сирии проживают сунниты – 74%, алавиты (до гражданской войны – также правящее меньшинство) – от 11 до 15%, друзы – 3%, исмаилиты – 1%, христиане – 10%, сильное влияние имеют курды⁶. В Йемене раскол проходит по линии зейдиты (шииты) – сунниты бывшего Южного Йемена. В Ливии, где на протяжении всей истории имел место конфликт между арабами и этническими меньшинствами в лице берберов, туарегов и тубу, на политическую обстановку оказывает воздействие племенной фактор (по оценкам Reuters, на территории бывшей Джамахирии проживает более 140 племен⁷) и т.д.

Другой наиважнейшей предпосылкой политических кризисов в Западной Азии и Северной Африки стала сложная социально-хозяйственная обстановка, накладывающая на этноконфессиональную специфику.

Ни в одной из арабских стран (и пережившие «весну» здесь не исключение, а, скорее, правило) после 1960-х гг. не было создано внятного плана развития. Все стратегии вращались либо вокруг идеи неспешной приватизации, либо вокруг эксплуатации недр. Неспешность объяснялась, во многом, именно опасениями разрушить хрупкую этноконфессиональную стабильность, которой большин-

ство арабских государств добилось в период независимости и этапа активных «социалистических» реформ (50-е – 60-е гг. XX века). При этом авторитарные режимы, до определённого момента оправдывавшие свое существование социальными и экономическими успехами, теряли способность противостоять вызовам новейшего дня. Главным из этих кризисов оказался демографический скачок. Устаревшие экономические модели, основанные на условно социалистических способах хозяйствования или представлениях о «справедливом» исламском государстве, привели к серьезным социальным перекосам.

Согласно данным Всемирного банка, в 2010 г. (то есть накануне «весны»), число людей, живущих за чертой бедности, например, в Египте составляло 16,7%, в Тунисе - 7,6%.⁸ По данным Программы развития ООН, число жителей Туниса, живущих менее чем на два доллар в день, составляло 12,8%, а в Египте – в 18,4%⁹ (другие специалисты отмечали, что до 40% населения АРЕ накануне «революции пирамид» жило менее чем на 2 доллара в день¹⁰). Что касается уровня экономического неравенства, то, по данным Программы развития ООН, в Египте он составлял 30%, в Сирии и Йемене – более 30%, в Тунисе – около 35% и т.д.¹¹ И хотя в частности оценки разнились, суть большинства исследований сводилась к одному – на момент начала протестов арабские государства испытывали острейшие социальные проблемы.

Наиболее же болезненной была безработица среди молодежи. На Ближнем Востоке молодые люди в возрасте до 30 лет составляют 60% населения¹². Именно они в большей степени страдали от нерешенности социально-экономических проблем. Безработица среди этой категории населения накануне начала «весны» достигала 43%¹³. Часто безработными являлись дипломированные специалисты (в первую очередь гуманитарных специальностей), которые в поисках средств к существованию вынуждены были заниматься мелкооптовой торговлей и различными видами мелкого бизнеса (безработные с высшим образованием составляли 43% от общего числа безработных, например в Египте¹⁴, при этом до 29% выпускников ВУЗов ежегодно не могли найти себе работу; в Тунисе – выпускники ВУЗов и профессионально-технических училищ составляли 60% от общего числа безработных¹⁵ и т.д.). В Йемене, который до 2011 г. демонстрировал уверенный экономический рост, также все достижения съедались «демографическим скачком», в результате которого население страны с 1990 по 2000 гг. увеличилось с 11

млн 710 тыс. человек до 17 млн 410 тыс. человек¹⁶ при доли молодежи в 75% от общего числа жителей¹⁷.

Приведенные выше факты убедительно показывают, что регион долгое время балансировал на грани масштабного социального бедствия, которое и разразилось в конце 2010 г. При этом спусковым механизмом протестов, их причиной, обострившей накопившиеся годами предпосылки, стал мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.

Глобальный коллапс привел к существенному падению рынков и уровня жизни в западных странах, которые были главными инвесторами арабских экономик (за счет спроса на сельхозпродукты и энергоносители, услуги туристического бизнеса и т.д.). В результате этого кризис начал распространяться и на ближайших соседей Старого Света из Магриба и Западной Азии.

В Тунисе, с которого и начался обратный отсчет «революций», сократился экспорт товаров (в первую очередь сельскохозяйственных), ориентированных на ЕС¹⁸, возникли проблемы в банковском секторе (ключевым элементом француско-тунисских связей в финансовой области являлся банк «Сосьете женераль» (*Société Générale*) и его подразделение в Тунисе *UIB (Union Internationale de Banques)*, пострадавший от кризиса в наибольшей степени¹⁹, «упал» и туристический сектор²⁰. Из-за кризиса в ЕС снизились возможности для приема иммигрантов и иностранных рабочих. Это коснулось как дипломированных специалистов, так и работников физического труда.²¹ В Египте сократились прямые иностранные инвестиции (с 6,8 млрд долл. в 2009–2010 фискальном году до 2,2 млрд долл. в 2009–2010 фискальном году), остановился рост ВВП (в 2009 г. составил всего 4,7%, что оказалось в 1,5 раза ниже показателя 2008 г. – 7,2%²²), значительно увеличились цены на импортные товары.

Особенно сложной оказалась ситуация с важнейшим для всех засушливых ближневосточных стран продуктом – хлебом (его арабы вынуждены закупать за рубежом за валюту, но реализовывать внутри страны по сниженным ценам, чтобы поддерживать видимость социальной справедливости; разница всегда покрывалась за счет бюджета). В 2006 г. Тунис закупил пшеницу на 203 млн долл.²³, а в 2008 – уже на 842 млн долл.²⁴ (рост примерно на 315% за 2 года из-за колебания курсов валют и биржевых котировок). Дело в том, что по оценкам большинства исследователей, для экономик арабских стран характерны два серьезнейших ограничителя – не-

хватка плодородных земель и уже упоминавшийся выше высокий прирост населения. В Северной Африке пустыни составляют около 78% их совокупной площади (Алжир – 80%, Египет – 98%, Ливия – 99%, Тунис – 51%)²⁵. В этой связи государства зависимы от поставок продовольствия из-за рубежа. Вдобавок рыночные реформы в Тунисе и Египте привели к тому, что крестьянские хозяйства стали ориентироваться на производство экспортной продукции в ущерб менее доходным товарам, ориентированным на внутреннее потребление. В Египте к январю 2010 г. темпы продовольственной инфляции достигли 25% в годовом исчислении²⁶ (на овощи цены выросли на 45%²⁷). Все это привело к росту социальной напряженности в арабских странах, бюджеты которых стремительно истощались (в Египте, кроме того, к 2010 г. около 11 млрд долл. были «освоены» под масштабные инфраструктурные проекты – например, строительство канала Тошка), в среднем около 5% ВВП ежегодно²⁸.

Значимыми оказались последствия мирового финансового кризиса для Бахрейна, где в течение пяти дореволюционных лет было заметно снижение производства нефти (нормы добычи до 2011 г. были меньше 185 тыс. барр. в день²⁹, «Бритиш Петролеум» (BP) даже не включает эмират в свои рейтинги крупнейших производителей углеводородов)³⁰. В этой связи все большую роль в формировании ВВП страны играл и до сих пор играет банковский сектор и сфера услуг³¹. То есть именно те два сегмента национальной экономики, которые и испытали на себе наиболее сильное воздействие кризиса. Именно на 2011 г. пришелся пик безработицы, которая в эмирате превысила уровень в 4% официально³² (при этом необходимо иметь в виду, что около 50% рабочей силы государства составляют приезжие из-за границы, так что отмеченные безработные относятся именно к числу местного населения³³). Касательно реального уровня безработицы в целом по стране, то он оценивался экспертами в районе 14–15%³⁴. Крайне высок уровень безработицы был среди бахрейнской молодежи – около 35%³⁵. Усилило деструктивные тенденции в Бахрейне наложение этноконфессиональной проблематики на социально-экономические сложности того периода: безработными из-за кризиса стали в основном шииты, в то время как сунниты, занимающие в местном обществе привилегированные позиции, оказались в меньшей степени подвержены влиянию рецессии³⁶.

Из всего сказанного выше видно, что общая политическая и экономическая ситуация в арабском мире накануне начала протест-

стов было чрезвычайно напряженная. И достаточно было малой искры, коей и стала смерть сначала Мухаммеда Буазизи в Тунисе (поджег себя в знак протеста против полицейского произвола), а следом и Халеда Саида в Египте (был убит полицейскими), чтобы пожар начал разгораться по всему региону.

В данной статье намеренно не рассматривается ситуация в Сирии, Ливии и Йемене. Три этих кейса требуют более детального и тщательного рассмотрения, так как на формирование революционной ситуации в каждой из стран повлиял комплекс серьезнейших племенных и этноконфессиональных противоречий, и им необходимо посветить отдельную работу. Оговоримся лишь, что влияние фактора социально-экономического было значительным также и здесь.

Приведенные факты не позволяют говорить об «арабской весне» как об искусственно созданном, инспирированном извне феномене. Слишком уж глубоки социально-экономические корни кризиса. Нельзя также говорить и о полноценной «революции», так как, по факту, результатом дестабилизации стал политический хаос и укрепление сил сугубо консервативных. Свободы больше не стало, социум остался полуархаичным, а экономика стагнирующей. Комплекс социальных болезней, порожденных тяжелой исторической судьбой арабских и иных ближневосточных народов, сложно разрешить лишь путем массовых протестов и военных переворотов. Нужен серьезный прорыв в экономике и подходах к организации образования. Иного ресурса роста сегодня у арабского мира просто не имеется. В противном случае этот регион так и останется на периферии глобальной экономики и, застыв в своем авторитарном и бедственном состоянии, будет тихо дожидаться, когда в наиболее зажиточной его части окончательно закончатся нефть и газ. В этом случае революционная ситуация приобретет новые очертания, однако вряд ли эти изменения окажут на регион стабилизирующий эффект.

Реалии Юго-Восточной Азии

Для ответа на вопрос, поставленный в начале данной работы – может ли подобная ситуация повториться в государствах Юго-Восточной Азии (пусть и не в столь радикальном варианте) – необходимо принимать во внимание целый комплекс факторов. Суммируя наиболее важные, выделим следующие моменты.

В политическом отношении реалии стран ЮВА значительно отличаются от тех условий, в которых проходили рассмотренные выше события в странах Ближнего Востока. Политическая модернизация государств ЮВА такова, что решение злободневных вопросов между властью и обществом проходит, в целом, в легальном поле. События, подобные февральским 1986 г. на Филиппинах или майским 1998 г. в Индонезии, являются, скорее, исключением, чем правилом. Для политической культуры государств ЮВА радикальные формы и методы диалога власти и общества не являются характерной чертой.

Во всех государствах ЮВА уже высок уровень электоральной культуры и гражданского правосознания. Легитимность власти зиждется на работающей институционально-нормативной базе и принимаемых обществом выборных процедурах. Отсюда – разделяемая обеими сторонами установка, что их взаимные обязательства, в целом, выполняются. Соответственно, власть считает, что можно снимать неизбежно возникающие противоречия, не прибегая к крайним, заведомо деструктивным мерам, а общество ожидает перемен, не противопоставляя себя власти, а сотрудничая с ней.

При подходе к проблеме *с экономической точки зрения* важным фактором является рост уровня жизни в странах ЮВА, формирование там среднего класса, равно как иные процессы, в своей совокупности устраняющие необходимость в радикальных мерах. В годы «холодной войны» это проявилось на примере модернизации стран «первой пятерки» АСЕАН (при том, что элементы авторитарного правления, в большей или в меньшей степени, были характерными для каждой из них). Это компенсировалось экономическими успехами, в основе которых лежал фактор «государства развития» (*developmental state*). Последней включал такие компоненты, как вмешательство государства в ход основных экономических процессов, в том числе осуществляя инфраструктурное строительство, поддерживая стратегически важные компании и бизнес-группы, поощряя патернализм, лояльность и гармонию внутри трудовых коллективов. Результат закономерен – опережающие темпы экономического роста стран Восточной Азии, в том числе «первой пятерки» АСЕАН, по сравнению с Западной Европой и США, стали новой реальностью 1960-х – 1980-х годов³⁷.

Такая ситуация логично привела к росту убежденности интеллектуалов стран Восточной Азии, что если не разделялось, то, как минимум, ощущалось на уровне простых людей: восточноазиатская

модель развития (к которой, повторимся, принадлежали и страны «первой пятерки» АСЕАН) по эффективности превосходит западную. Последняя же все больше воспринималась «со знаком минус», т.к. в западных странах – при всей успешности их социальных проектов – были и иные реалии: большая разница в доходах, трудовые конфликты и тому подобные моменты, воспринимаемые восточными азиатами как нарушение контракта между властью и обществом. Соответственно, для улучшения качества своей жизни граждане стран ЮВА должны не выходить на демонстрации, а поступать ровно наоборот – прилежно и упорно трудиться под руководством властей ради общего блага, высоко ценя уже достигнутое (в чем роль власти бесспорна по умолчанию).

Современный характер экономического сотрудничества стран ЮВА снижает стимулы граждан расположенных там государств выходить на демонстрации и «раскачивать» внутривластную стабильность. Те проекты и инициативы экономического регионализма, в которых участвуют государства азиатского юго-востока, предполагают сохранение внутривластной управляемости как одного из ключевых условий инвестиционной привлекательности. Результаты имеющихся в активе Ассоциации проектов – а это Зона свободной торговли АСЕАН, Инвестиционная зона АСЕАН, многочисленные примеры отраслевого сотрудничества – могут разниться от страны к стране, но то, что их реализация несет благо Ассоциации как единому целому, равно как не только элитам, но и народам стран ЮВА – бесспорный факт. Поскольку формирование Сообщества АСЕАН, в том числе его экономической составляющей, продолжается (новым рубежом стал 2025 г.), есть основания ожидать роста уровня жизни и развития социальных лифтов в государствах ЮВА. Все это едва ли подтолкнет общественные настроения в сторону политического радикализма.

Подходя к ответу на поставленный вопрос сквозь призму *перспективных планов АСЕАН*, нельзя не отметить: сохранение политической стабильности – частью чего была и остается внутривластная управляемость в государствах «десятки» – одно из ключевых условий сохранения Ассоциацией «водительского кресла» в азиатско-тихоокеанских площадках многостороннего сотрудничества. С самого начала запуска этих диалоговых структур – а это АРФ, Совет министров обороны (СМО) АСЕАН+8 и Восточноазиатский саммит – Ассоциация находится под огнем критики за недостаточную эффективную координацию деятельности этих

площадок. Как известно, во время кризиса в Восточном Тиморе летом-осенью 1999 г. эта критика многократно усилилась. Отсюда – основания считать, что руководители тех государств ЮВА, в которых появляются признаки социальных волнений, будут стараться не доводить дело до крайностей – руководствуясь в том числе пониманием того, что такие волнения будут означать для АСЕАН. Одна из целей Экономического сообщества АСЕАН до 2025 г. состоит в том, чтобы усилить влияние Ассоциации на глобальные процессы³⁸. Несложно представить репутационные потери АСЕАН вследствие реакции международного сообщества на неспособность Ассоциации справиться с кризисом в одной из входящих в нее стран – а Ассоциация этого предсказуемо не сможет сделать в силу принципа консенсуса и невмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Таким образом, как внутривосточное, экономическое и «общеасеановское» измерение реалий Юго-Восточной Азии свидетельствуют, что сценарий «арабской весны» в этих государствах маловероятен. Тем не менее, есть смысл обратить внимание на некоторые моменты, развитие которых может иметь деструктивные последствия для государств азиатского юго-востока.

Во-первых, новой реальностью становится нацеленность граждан стран ЮВА получать информацию очень избирательно, лишь из определенных новостных источников, равно как ее не критичное осмысление. Распространенная практика такова, что люди подписываются – например, через социальные сети – лишь на те новостные ресурсы, которые соответствуют их предпочтениям, а остальные, предоставляющие альтернативные точки зрения, предпочитают не замечать³⁹.

Отсюда – возможности манипулировать общественным мнением, когда политики могут на разных новостных источниках давать диаметрально противоположные обещания, что особенно вероятно во время избирательных кампаний. Продолжение этой тенденции потенциально может дезориентировать электорат, провоцируя его недовольство.

Во-вторых, у обществ государств ЮВА отсутствуют навыки противодействовать фейковым новостям⁴⁰. Не приводя конкретные примеры, отметим главное: учитывая высокую степень политизации этнических вопросов в этих странах, вирусное распространение непроверенной информации, которая апеллирует не к разумным

доводам, а к эмоциям, побуждающим к действию «здесь и сейчас», взрывоопасно само по себе.

Наконец, в-третьих, нынешние цифровые реалии могут подорвать трудовую этику в государствах азиатского юго-востока, положенную в основу восточноазиатской модели капитализма – уже упомянутого «государства развития». В «цифровом мире равных возможностей» гораздо проще зарабатывать, капитализировав свою узнаваемость посредством провокационного и эпатажного поведения, чем прилежно учиться и добросовестно трудиться (по умолчанию понятно, что и то, и другое занимает многие годы и не несет быстрой коммерческой отдачи). Отсюда – перспектива нарастания социального пессимизма, что, вкупе с реальной возможностью роста безработицы по мере развития Четвертой промышленной революции⁴¹, также вызовет недовольство, а, следовательно, и протестные настроения.

Однако если не впадать в алармизм, оснований ожидать экстремальных сценариев, повторяющих ближневосточный в годы «арабской весны», в государствах азиатского юго-востока, в общем и целом, немного. Ни внутренние, ни внешние факторы этому не содействуют, а для развития потенциально дестабилизирующих процессов нужно время. Соответственно, у руководителей стран ЮВА достаточно возможностей, чтобы не допустить крайнего, заведомо деструктивного развития событий.

Выводы

В современном мире транс-региональные и кросс-региональные исследования приобретают важность не только в силу того, что процессы управления и регулирования смещаются на уровень регионов, что затрудняет реализацию крупных мега-проектов. Не менее важная причина такова, что в самих регионах социальные процессы становятся все более подвижными, зачастую принимая обвальный характер.

События в государствах Ближнего Востока, получившие название «арабской весны», стали результатом глубочайших противоречий социально-экономического, этноконфессионального и исторического характера, которые разрывали и разрывают арабский мир. Несмотря на череду протестов, войн и смен режимов, большинство из этих противоречий так и не были преодолены. Главными выгодоприобретателями «весны» стали не прогрессивные общественные силы либерального или левого толка, а либо исламисты,

либо новые авторитаристы – то есть, консерваторы, не способные к выработке новых, отвечающих требованиям сложного и изменчивого современного мира, общественно-политических концептов.

Суммируя степень предрасположенности стран ЮВА к аналогичным потрясениям, отметим главное: этому не способствуют, ни внешние, ни внутренние факторы. Проще говоря, Юго-Восточная Азия на современном этапе и в обозримом будущем – это не про революции, а про деньги. Отсюда – стремление власти и общества государств ЮВА сконцентрироваться на приоритетах, имеющих отношение к росту уровня жизни, повышению конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности, потреблению «здесь и сейчас». По этой причине ни власти, ни общества этих стран не заинтересованы в том, чтобы масштабные социальные протесты стали «новой нормальностью».

Вместе с тем, государства ЮВА не смогли – по крайней мере, пока – решить не менее важную задачу: как создать компенсаторные механизмы применительно к потенциальным вызовам не настоящего, а будущего. Констатируя, что в настоящее время эти вызовы не носят дестабилизирующий характер, по мере развития Четвертой промышленной революции их острота будет усиливаться.

¹ См.: Канаев Е.А., Демиденко С. В. ИГИЛ в Юго-Восточной Азии в современной американской политике // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 29. С. 33-53.; Канаев Е. А., Демиденко С. В. Юго-Восточная Азия и Ближний Восток: модели многостороннего сотрудничества. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. №4(41). С.12-28.

² Joffé G. The Arab spring in North Africa: origins and prospects //The Journal of North African Studies. – 2011. – Vol. 16. – №. 4.

³ Сапронова М.А. Политический процесс в арабских странах. М., 2008. С.260.

⁴ См., например: Юрьева Д. Четвертый курорт // Российская газета. 26 июля 2006 года. URL: <https://rg.ru/2006/04/26/kurort.html>

⁵ Егорин А. З. История Ливии. XX век. М., 1999. С.290, С. 320.

⁶ Syria. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sy.html>

⁷ Apps P. Factbox: Libya's Tribal, Cultural Divisions. Reuters. 25 August 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-libya-tribes/factbox-libyas-tribal-cultural-divisions-idUSTRE77O43R20110825>

⁸ Ibid, P. 86-87

⁹ Human Development Report 2009 - Overcoming barriers: Human mobility and development// United Nations Development Programme (UNDP). 2009. P. 176-178

URL: // <http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports>

/269/hdr_2009_en_complete.pdf (дата обращения: 20.09.2019)

¹⁰ Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года: Социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. 2011. Том 4, №3, С. 11

¹¹ Human Development Report 2010 - 20th Anniversary Edition. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development // United Nations Development Programme (UNDP). 2010. URL: // http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/270/hdr_2010_en_complete_reprint.pdf (дата обращения: 20.09.2019)

¹² Arab Human Development Report 2016 // United Nations Development Programme – Regional Bureau for Arab States (RBAS). 2016. P. 22.

¹³ Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня – 2011 – № 7 – С. 20.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Леонов Г. А., Кузнецов Н. В., Кудряшова Е. В. Тунис 2011–2014. Бифуркация, революция и управляемая стабилизация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 10. Прикладная математика. Информатика. Процессы управления. 2016. Вып. 4. С.97.

¹⁶ Population Total – The Republic of Yemen // The World Bank Group. URL: // <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?end=2000&locations=YE&start=1990> (дата обращения: 19.09.2019)

¹⁷ Madsen E.L. The effects of a very young age structure in Yemen - Country case study // The Shape of Things to Come Series - Population Action International. 2010. P. 5 URL: https://pai.org/wp-content/uploads/2011/12/Yemen_CCS.pdf (дата обращения: 19.09.2019)

¹⁸ Tunisia - Where does Tunisia Export to? (2009) // The Observatory of Economic Complexity. URL: // https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/tun/show/all/2009/ (дата обращения: 20.09.2019)

¹⁹ Alderman L., Story L. Global Jitters Gather Over State of Société Générale // The New York Times Company. 12 August 2011. URL: // <https://www.nytimes.com/2011/08/13/business/global/global-worries-about-the-french-bank-societe-generale.html> (дата обращения: 20.09.2019)

²⁰ UNWTO Tourism Highlights. 2011 Edition. // UN World Tourism Organization. 2011. URL: // <http://mkt.unwto.org/sites/all/files/docpdf/unwtohighlights11enhr.pdf> (дата обращения: 20.09.2019)

²¹ Unemployment, total (% of total labor force) (modeled ILO estimate) - Egypt, Arab Rep., Tunisia // The World Bank Group. URL: // <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS?end=2012&locations=EG-TN&start=2007> (дата обращения: 20.09.2019)

²² Фитуни Л. Л. Экономические причины и последствия Арабской весны // Проблемы современной экономики. — 2012. — № 1 (41). — С. 90–97.

²³ Tunisia import – 2006 // The Observatory of Economic Complexity. URL: // https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/tun/all/show/2006/ (дата обращения: 20.09.2019)

²⁴ Tunisia import – 2008// The Observatory of Economic Complexity. URL: // https://оес.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/tun/all/show/2008/ (дата обращения: 20.09.2019)

²⁵ Фитуни Л.Л. Экономические причины и последствия «Арабской весны»// Проблемы современной экономики. 2012. № 1 (41). С. 91

²⁶ Al-Shawarby S., Selim H. Are International Food Price Spikes the Source of Egypt's High Inflation?/ Policy Research Working Paper № 6177// Poverty Reduction and Economic Management Unit, Middle East and North Africa Region, The World Bank, August 2012. P. 4. URL: // <http://documents.worldbank.org/curated/en/545831468234313522/pdf/wps6177.pdf> (дата обращения: 20.09.2019)

²⁷ Мекы D. Food Prices Continue to Skyrocket in Egypt // Caravan – The Voice of the American University in Cairo Community. 7 November 2010. URL: <https://academic.aucegypt.edu/caravan/story/food-prices-continue-skyrocket-egypt> (дата обращения: 20.09.2019)

²⁸ Loayza N.V., Odawara R. Infrastructure and Economic Growth in Egypt/ Policy Research Working Paper № 5177// Social and Economic Development Group (Egypt), Development Research Group and Macroeconomics and Growth Team - Middle East and North Africa Region, The World Bank, January 2010. P. 44. URL: // <https://pdfs.semanticscholar.org/9a16/02f0302e3c0e0e8212d1ceb726cfc41f0cb.pdf> (дата обращения: 20.09.2019); GDP (current US\$) - Egypt, Arab Rep.// The World Bank Group. URL: // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.СD?end=2013&locations=EG&start=1965> (дата обращения: 20.09.2019)

²⁹ Bahrain's Crude Oil: Production from 1960 to 2018 in the chart // CEIC Data. URL: // <https://www.ceicdata.com/en/indicator/bahrain/crude-oil-production> (дата обращения: 20.09.2019)

³⁰ BP Statistical Review of World Energy – 2019. 68th edition. // BP plc. P. 17 URL: // <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-oil.pdf> (дата обращения: 20.09.2019)

³¹ Bahrain Economic Quarterly Q1 2019// Ministry of Finance and National Economy. 2019. P. 7. URL: // <https://www.mofne.gov.bh/Files/cdoc/FI1038-BEQ%20Eng%204Q2018%20v13.pdf> (дата обращения: 20.09.2019)

³² ILOSTAT Country Profiles – Bahrain – 2011 // International Labour Organization. URL: // <https://www.ilo.org/ilostatcp/CPDesktop/?list=true&lang=en&country=BHR> (дата обращения: 20.09.2019)

³³ International Migration Report 2017. // Department of Economic and Social Affairs, United Nations. 2017. P. 27 URL: // https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (дата обращения: 20.09.2019)

³⁴ Ульрихсен К.К. Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? // Россия в глобальной политике. 22 октября 2011. URL: // <https://globalaffairs.ru/number/Persidskii-zalivest-li-zhizn-posle-nefti-15361> (дата обращения: 20.09.2019)

³⁵ Там же.

³⁶ Al-Khawaja M. Beneath Bahrain's Shia-versus-Sunni narrative, only the tyrants benefit // Guardian News & Media Limited. 27 October 2012. URL: // <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/oct/27/bahrain-shia-versus-sunni-narrative> (дата обращения: 20.09.2019)

³⁷ Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация – М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 5-19.

³⁸ ASEAN Economic Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, November 2015. P. 35-39. URL: // https://www.asean.org/storage/2016/03/АЕСВР_2025r_FINAL.pdf (дата обращения 23 октября 2019)

³⁹ Tapsell R. Echo Chambers and a Sectarian Public Sphere in Southeast Asia. ASEAN Focus. 2018. Issue 5. P. 14-15.

⁴⁰ ASEAN Journalists Call for Media to Help Lead Battle against Fake News. The Nation. 23 August 2018. URL: // <https://www.nationthailand.com/news/30352772> (дата обращения: 15 сентября 2019)

⁴¹ Канаев Е. А. АСЕАН и Четвертая промышленная революция. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 36. С. 11-23.